

**Министерство высшего и среднего специального
образования
Республики Узбекистан**

Каршинский государственный университет

**Факультет иностранных языков
Кафедра русского языка и литературы**

**Курсовая работа по предмету
“Русская литература XX века” на тему
“Образ главного героя в романе Т.Толстой
«Кысь» как ироническое выражение
русской ментальности ”**

**студентки III курса отделении Русского языка и
литературы**

МУРАДОВОЙ ШАХНОЗЫ

Научный руководитель: Д.Хамраев

КАРШИ 2015

План :

Введение

Татьяна Толстая. Эволюцию творчества: от эссе к роману.

Идейное содержание романа.

Символистические образы романа

Стилистические особенности Заключение

Список литературы.

Введение

Выбор темы нашего реферата, связанной с определением жанровой принадлежности и рассмотрением стилистического своеобразия одного из оригинальнейших произведений современной литературы, не случаен. Роман «Кысь» мало изучен. Ему посвящено сравнительно небольшое число работ, в которых исследователи в различных аспектах подходят как к определению жанра, так и к анализу стиля романа.

Объект - жанровое разнообразие и стилистические особенности романа «Кысь».

Предмет - изучение жанрового разнообразия и стилистических особенностей романа Татьяны Толстой «Кысь».

Цель - проанализировать малоизученное произведение современной русской литературы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что одной из основных проблем XX века является переосмысление человеческой жизни в координатах неклассического миропонимания. Последнему в литературе соответствует определенные жанровые формы, радикально новые или же вызванные по зову истории из глубин культурной памяти. Таким знаковым жанром, несомненно, выступает антиутопия, пользующаяся в ушедшем столетии повышенной популярностью, особенно в начальные и завершительные этапы советской эпохи.

«Кысь» - необычная книга, в ней затронуты реальные проблемы. И путь подачи этих проблем в ней своеобразен. Здесь много вымысла, фантастики. Но всё это ловко замаскировано под покровом юмора и некоторого безразличия ко всему происходящему. Авторского вмешательства в сюжет здесь нет. Какая-то детская, сказочная непосредственность творится на протяжении всей книги, а нелепости сюжета заставляют нас улыбаться. История похожа на сказку, но как говорится: «Сказка - ложь, да в ней намек...». Книга специфична, в ней сконцентрированы три времени: из прошлого через настоящее к будущему.

Потухает свет прожитых дней, не видно ничего во тьме настоящего, и безызвестность хранит дорогу к будущему.

Роман Татьяны Толстой с виду антиутопия, а на деле - форменная энциклопедия русской жизни. Сюжет, история о древней Руси, заново возникшей на ядерных обломках Москвы в некотором году, явно навеян Чернобылем - «Кысь» начиналась в 1986 году. Впрочем этот традиционно-фантастический ход для Толстой - всего лишь метод так называемого отстранения, возможность посмотреть на всю правду русской жизни как бы со стороны.

Результат оказался грандиозным.

Прежде всего Толстая выделяет такой важный компонент отечественной действительности, как постоянная мутация, мнимость, недолговечность твёрдого якобы порядка вещей. В России, как и в романе «Кысь», непременно есть какие-нибудь «прежние», «бывшие» - потому что почва то и дело уходит из-под ног, уходит криво и вниз. Герои Толстой никак не могут совпадать с переменчивой природой, не только окружающей но и собственной. Им остаются только имена вещей, но не сами вещи.

Одна из главных стилистических особенностей романа - это его интертекстуальность.

Интертекстуальность романа «Кысь» проявляется и в его аппеляции к жанрам народного словесного творчества (легенды, народные сказки). Толстая создает особый сказочный мир.

Главная особенность этого мира в том, что фантастичное здесь плавно переходит в естественное, при этом, правда, теряя символ «чуда». Чудом же здесь является естественное.

Фантастические начала, переплетенные с реальностью в «Кыси», напоминают «Мастера и Маргариту» Булгакова, где мир реальный не отделен от мира фантастического они единое целое.

Ещё, по слухам жителей Федоре-Кузьмичска, далеко на востоке живёт белая княжна Птица Паулин с глазами в пол-лица и с «человечьим красным ртом», любящая себя настолько, что голову поворачивает и всю себя обцеловывает. Образы этих двух существ остаются за рамками основного сюжетного повествования, но упоминается настолько часто, что любознательный читатель начинает догадываться: а уж не является ли Кысь нематериализованным воплощением бессознательных человеческих страхов, а княжья Птица Паулин - отображением их надежд и подсознательной жажды красоты жизни?

Интертекстуальность воплощается также в языковой плоскости текста, в котором присутствуют почти все языковые уровни: высокий, нейтральный, разговорный и просторечный. По мнению Н. Ивановой, в романе авторская речь намеренно вытеснена словами героев. Нередки слова-монстры, такие как ФЕЛОСОФИЯ, ОНЕВЕРСТЕЦКЕ АБРАЗАВАНИЕ РИНИСАНС и тому подобное, слова - обломки «старого языка». По нашему мнению, здесь можно усматривать предостережение, тревога за состояние современного русского языка, который может превратиться в такого же монстра без норм и правил.

Такому многогодичному произведению посвящен этот реферат. Интересна «Кысь»

и как первый романический опыт Татьяны Толстой.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы будем в своей работе использовать методы и приемы лингвистического (филологического) анализа текста, целью которого является выяснения того, как с помощью образных средств языка создается художественное произведение, выявление эстетической, философской, информационной значимости текста.¹

Метод выдвижения гипотезы, которая подтверждается или опровергается выраженными образности, стилистическими приёмами;

Анализ средств создания образности и художественных решений автора, которые позволяют вывести определенную гипотезу понимания анализ художественного текста переименовывается в филологический анализ, - подчеркивается общностью наук в поиске истины.

авторского замысла;

Метод сематико-стилистический, который учитывает отступление от языковых правил, сочетания предметных и коннотативных² элементов текста, возможности контекстуальной многозначности слов, наращивание смысловых элементов слов при помощи особых стилистических приёмов;

Каузальный³ метод, который основывается на принципе причинного объяснения явлений и включает в себя всё многообразие взаимосвязей отдельно взятого произведения с общественно-исторической реальностью и биографической обстановкой времени создания.

Так как методы редко применяются в «чистом» виде, то мы по необходимости будем их комбинировать. А поскольку лингвистический анализ может выбирать и другие компоненты, основанные на фактах из истории, литературоведения, психологии, то мы введем в структуру нашего реферата:

Датировку. Историю текста.

Биографическую ситуацию.

Восприятие и отклики современников.

Итак, сформулируем основные задачи данной работы:

- Изучить характерные особенности творчества Татьяны Толстой на примере её первого романа;

Рассмотреть роман как антиутопию в период советского времени;

Определить принадлежность произведения к постмодернизму;

Рассмотреть стилистическое своеобразие романа;

¹ Применение в анализе знаний из разных областей жизни в настоящее время используется довольно широко, не случайно постепенно лингвистический Коннотация - периферийная часть лексического значения, факультативная, содержащая информацию о личности говорящего, в том

числе и о его эмоциональном состоянии, ситуации общения, характере, отношения говорящего к собеседнику и предмету речи. В сфере коннотации выделяют различные компоненты коннотанты, различающиеся функциональной направленностью (на внутренний мир человека, на язык и на внешнюю по отношению к языку действительность), в связи с чем их делят на основные типы: эмоциональный, оценочный, образный, экспрессивный.

Каузальный - от лат. *Causa* - причина.

- Исследовать особенности языка повествования автора.

«Кысь» может понравиться или нет (многие предпочитают простые сюжеты без иносказаний и стилизаций), но удивит и восхитит обязательно -уж больно мастерски и умно написана эта книга.

Татьяна Толстая. Эволюция творчества: от эссе к роману

Татьяна Никитична Толстая родилась 3 мая 1951 года в Ленинграде. Внучка по одной линии - писателя А.Н. Толстого и поэтессы Н.В. Крандиевской, по другой - переводчика М.Л. Лозинского, дочь академика-филолога Н.И. Толстого.

Окончила отделение классической филологии Ленинградского университета. Выйдя замуж за москвича, переехала в Москву, работала корректором. Первый рассказ Т.Толстой "На золотом крыльце сидели..." был опубликован в журнале "Аврора" в 1983. С того времени вышло в свет 19 рассказов, новелла "Сюжет". Тринадцать из них составили сборник рассказов "На золотом крыльце сидели..." (Факир", "Круг", "Потере", "Милая Шура", "Река Оккервиль" и др.). В 1988 - "Сомнамбула в тумане".

Толстую относят к "новой волне" в литературе, называют одним из ярких имен "артистической прозы", уходящей своими корнями к "игровой прозе" Булгакова, Олеши, принесшей с собой пародию, шутовство, праздник, эксцентричность авторского "я".

О себе говорит: "Мне интересны люди "с отшиба", т.е. к которым мы, как правило, глухи, кого мы воспринимаем как нелепых, не в силах расслышать их речей, не в силах разглядеть их боли. Они уходят из жизни, мало что поняв, часто недополучив чего-то важного, и уходя, недоумевают как дети: праздник окончен, а где же подарки? А подарком и была жизнь, да и сами они были подарком, но никто им этого не объяснил".

В последние годы Татьяна Толстая живет и работает в Принстоне (США), преподает русскую литературу в университетах.

Любые тексты Толстой - это законченные, подробные произведения. О чем бы она ни писала, все видится сквозь призму субъективного взгляда писателя. Ей одинаково интересен и быт, и история, и любое человеческое лицо, и любой банальный предмет. В одном интервью Татьяна Толстая говорит: «...для меня единственный способ совладать с унынием любой действительности - опоэтизировать ее».

Плотная, густонаселенная женская проза соседствует с виртуозными сослагательными историческими рассказами и едкими очерками о жизни. В одном случае это «...молодые люди неопределенных занятий, и старик с гитарой, и поэты-девятоклассники, и актеры, оказывавшиеся шоферами, и

шиоферы, оказывавшиеся актерами, и одна демобилизованная балерина... и дамы в бриллиантах, и непризнанные ювелиры, и ничьи девушки с запросами в глазах, и философы-недоучки, и дьякон из Новороссийска...». В другом - «...птичка Божия...какает на длань злодея. Кляк!» и Пушкин жив. Да не просто жив, а старческой дрожащей рукой бьет по голове дрянного рыжего, картавого мальчишку. Кляк! История пошла другим путем. Из маленького Володеньки вырос верноподданный гражданин. На старости лет любил навещать благородных девиц. Особенно лупоглазым покровительствовал, звал их всех почему-то Надьками. Ну а очерки, они и есть очерки. Портреты современников и размышления о разном.

Автор предисловия к сборнику "Любишь - не любишь" Владимир Новиков написал: «Конструкция у всех рассказов универсальная, филигранно отточенная, но одинаковая. Это, конечно, тоже мастерство и немалое, но такое мастерство смущает, вызывая подозрения в неискренности, в сочинительстве одного и того же рассказа с разными персонажами, поочередно выходящими на одну и ту же сцену. На второй минуте каждого рассказа Татьяны Толстой на лице читателя появляется легкая полуулыбка, на четвертой он, не сдержавшись, смеется в голос, на шестой взгрустнет, а на восьмой вздохнет глубоко и протяжно, сдерживая слезу.

Конечно, сильно написано, приятно читать, но - вернувшись к тому, с чего начал - истинно русская литература всегда была страдающей интуитивной, жаждущей раскрыть смысл бытия, а ощущающая литература для удовольствия чтения - это не вполне российская традиция»¹.

В книге «Двое. Разное.» (2001) оказались те ее эссе, что по каким-то причинам не вошли в "День". А именно: "Гриббы отсюда!" - про то, как Татьяна Никитична покупала соленые грузди; "Стране нужна валюта" - про то, как Татьяну Никитичну арестовали; "Про Гришу и Машу" - это как Татьяна Никитична пыталась испечь торт. Вы заметили, она сама про себя сочиняет анекдоты? Заметили, конечно. Но и в "Дне" были анекдоты. А вот чего там не было, так это лирических расследований, каковыми являются тексты про "Титаник" и царевну Анастасию. Это не рецензии, не рассказы и не эссе, а "story" для идеального глянцевого журнала (которого у нас не было, поэтому писательница сочиняла их для "Русского телеграфа"). Что ей эти пассажиры "Титаника" или мертвая царевна? Ах нет, раз уж пишет, то любит их не по тарифу "доллар-строчка", а взаправду. Это, пожалуй, самое потрясающее свойство Татьяны Толстой.

⁴ Толстая Татьяна "Любишь - не любишь" Москва 1997 г.

При появлении в периодике эти эссе Толстой вызывали у читателей смешанные чувства. Далеко не со всем ею сказанным хотелось соглашаться. Возникало вообще представление о том, что это не ее жанр. Ничего удивительного в этом, конечно, нет: кто будет оценивать, скажем, стихи Блока в той же шкале, что его газетные статьи. Сейчас такое представление в значительной мере изменилось, и к лучшему: собранные в одной книге, эссе Толстой выигрывают. Как, между прочим, выиграли в собрании сочинений статьи Блока: видно, что они были неслучайны. И еще одно обстоятельство сыграло роль: назвав сборник своей эссеистики «День», Толстая дала ему подзаголовок: «Личное», что внесло уместную ноту, так сказать, необходимой вторичности собранного. Мол, в прозе, в художестве своем я поэт, а здесь - гражданин, и в этом качестве тоже имею неоспоримое право голоса.

Голос российского гражданина Татьяны Толстой звучит, конечно, по-своему, его ни с чьим не спутаешь. Одна из тем толстовской публицистики - обличение постсоветской жизни в ее культурных, а вернее антикультурных проявлениях. Пресловутые новые русские - герои этих статей Толстой (статья называется «Какой простор: взгляд через ширинку»):

«Мир мужчины, предлагаемый издателями, уныл и прост: пустыня, а посередине - столб, который все время падает, хоть палочкой подпирай. Этот «мужчина» никогда не был мальчиком, ничего не складывал из кубиков, не листал книжек с картинками, не писал стихов, в пионерлагере не рассказывал приятелям историй с привидениями. Никогда не плакал он над бренностью мира, - «маленький, горло в ангине», - и папа соответственно не читал ему «вещего Олега». Да и папы у него не было, и не надо теперь везти апельсины в больницу через весь город. Ни сестер у него, ни братьев...»

Читая этот текст, стоит, однако, помнить, что журнал для мужчин издается по-русски в Москве, но издатели его - американцы, просто экспортирующие свой продукт по линии так называемого культурного империализма. В книге Толстой интересны не столько филиппики по адресу новых русских, сколько ее высказывания об Америке. Вот тут есть некая философема³.

Дело в том, что эссеистика Толстой, самый ее пафос могут показаться крайне антиамериканскими. Да если судить исключительно по тексту, так оно и есть. Можно, конечно, сказать, что Татьяна Толстая не Америку осуждает и высмеивает, но американскую массовую культуру. Но дело в том, что (судя по крайней мере по этой книге) в ней, в Америке, Толстая ничего кроме масскульта и не находит, что ничего другого там и нет. И на Америку вылито

куда больше яда, и куда большей концентрации, чем на ничтожных, при всех своих баксах, новых русских.

⁵ Филиппики - (греч. ϕΙλιππικα), обличительные речи Демосфена против македонского царя Филиппа II. В переносном смысле — гневные обличительные речи.

⁶ Философема - (греч.), философское утверждение или философское учение.

Такие статьи, как «Николаевская Америка» - о войне с курением в Штатах, «Кина не будет» - о Моника-гэйте, «Засужу, замучаю, как Пол Пот Кампучию» - о страсти американцев к судебным искам - достаточно язвительны, но они могли бы быть написанными и американцами - не так, как Толстая пишет (ибо так только она пишет), но все же написанными, и под

тем же сатирическим углом. Но вот статья «Лед и пламень» - это уже нечто не анти-, а, так сказать, сверхамериканское. Она, в некотором роде, посягает на святыни. И святыня эта - мышонок Микки-Маус, эмблематический герой мультфильмов Диснея. , ,

По одному, сейчас не стоящему упоминания, поводу Татьяне Толстой, в бытность ее преподавателем американского университета, привелось насмешливо высказаться об этой любимой американской эмблеме, «национальном грызуне», как она пишет. Последовала непредвиденная реакция:

«Не троньте мышь!» - звенящим голосом крикнула студентка, сжимая кулачки.
- «Вы любите это чучело?» - неосторожно удивилась я. - «Да!» - закричали все 15 человек. - «Национальная гордость, никому не позволим!» ... «Дисней - это наше детство!» Думая, что это смешно, я рассказала об этом приятелю, американскому профессору-либералу. Он не засмеялся, но посупровел. «Не надо задевать Микки-Мауса», - сказал он с укоризной. - «Но вы-то, как либерал...» - «Не надо! Микки-Маус - основа нашей демократии, цементирующий раствор нации». Я попробовала подбить его на государственную измену: «Ну, а если между нами... По-честному?... Любите вы его?» Профессор задумался. Шестьдесят пять прожитых лет явно прошли перед его внутренним взором. Что-то мелькнуло в его лице... Открыл рот... «Да! Я люблю его! Люблю!» .

Понятно, что этот текст - гипербола и гротеск. Понятно, что объект сатиры - не национальная мышь (названная, помимо прочего, монстром и

Парамонов Б. Толстая вне ксерокса. Свободная Культура, 2002.
гадиной), но конформизм сознания, отштампованного массовой культурой, при
этом насквозь коммерциализированной. Известно также, что массовое
сознание, управляемое коллективными мифами, может стать социальной
опасностью катастрофических размеров, и недаром в конце этой толстовской
статьи возникает образ советских людей, в единодушном порыве
осуждающих троцкистско-бухаринскую банду империалистических
наймитов. Все это так, но слово «миф» может ведь и в другом смысле
употребляться - не чуждом самой Татьяне Толстой.

Тут нужно вернуться от Толстой-эссеистки и публицистки к Толстой-
писательнице. Вот что пишут о ее прозе академические исследователи
Лейдерман и Липовецкий:

«Обращает на себя внимание демонстративная сказочность ее поэтики. В прозе
Толстой происходит метаморфоза культурных мифов в сказки культуры. ...
последовательно осуществляется демифологизация мифа Культуры и
ремифологизация его осколков. Новый миф, рождающийся в результате этой
операции, знает о своей условности и необязательности, о своей
созданности - и отсюда хрупкости. Это уже не миф, а сказка: гармония
мифологического мироустройства здесь выглядит крайне условной и
заменяется сугубо эстетическим отношением к тому, что в контексте мифа
представлялось отрицанием порядка, хаосом»⁵.

Вот тут и возникает главный вопрос в связи с американскими - или
антиамериканскими - статьями Толстой: каким образом, столь виртуозно
пользуясь поэтикой сказок, игрой с мифом в собственном творчестве, она не
хочет видеть мифа и сказок в культуре другой страны, даже отказывает этой
культуре в праве на мифологические корни? Да, собственно, нельзя вообще
говорить о каких-либо других странах и других мифах, ибо мифологическое
пространство едино и неделимо. Американский Микки-Маус - это тот же

Липовецкий М.Н. Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: 1950
- 1990-е гг.: В 2 тт: Т. 1: 1953-196 гг.: Учебное пособие для студентов
высших учебных заведений Изд. 2-е, испр., доп.

Иванушка-дурачок, то есть сильный, побеждающий слабого, это Чарли Чаплин, это, наконец, Давид против Голиафа!

Можно сказать, что Толстая производит демифологизацию американской культуры, но из обломков оной у нее ничего не складывается. И понятно почему: американская жизнь не может служить для нее основой художественной работы - Толстая русский писатель, а не американский. Свое раздражение на Америку она неспособна творчески сублимировать. Россия вызывает у нее ничуть не меньшее раздражение (чтоб не сказать большего), но это свое, с детства привычное - именно что с детства. Человек, американского детства не имевший - будь он поэт или просто глашатай, - к Микки-Маусу останется равнодушным.

Да, но Татьяна Толстая к этой самой национальной мыши отнюдь не равнодушна: она негодует, чтоб не сказать злится. Этому, на мой взгляд, есть две причины. Вот об этом и поговорим.

Первая причина отталкивания от Запада у русского писателя (в данном случае Татьяны Толстой от Америки): некий общенациональный комплекс. Это еще Достоевский заметил, в одном из лучших своих сочинений -«Зимние заметки о летних впечатлениях». Там он в частности писал:

«Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написал еще в прошлом столетии Фонвизин. Все подобные, отделяющие иностранцев фразы, даже если и теперь встречаются, заключают для нас, русских, что-то неотразимо приятное. Тут слышится какое-то мщение за что-то прошедшее и нехорошее. В чем причина этого не такого уж странного явления, Достоевский прямо не говорит, но отчасти проговаривается. Кажется, что эта тайная нелюбовь происходит от разочарования русского человека в Европе, вообще в Западе. Но это разочарование предполагает, по определению, предшествующее очарование. От заочного, заглазного восхищения идет этот процесс - и от непременных, при каждом удобном случае, попыток подражания и воспроизведения. Как пишет тут же Достоевский: «Уvizжаться и провраться от восторга - это у нас самое первое дело; смотришь, года через два и расходимся врозь, повесив носы».

Надо ли напоминать, что ближайшим по времени опытом такого восторга было постсоветский, с его иллюзиями и крахами? Время воспроизведения, на ново-русский лад, западной демократии и рыночной экономики. Но результат, откровенно говоря, более чем посредственный, не оставляющий интеллигентному человеку ничего, кроме писания ядовитых фельетонов о

новых русских, их нравах, обычаях и вкусах.

А главное, что интеллигентный русский человек выяснил, непосредственно ознакомившись с самим Западом, узнав его, так сказать, смиренную прозу, что демократия и рыночная экономика там, конечно, есть, но наличие таковых отнюдь не привело к расцвету высоколобой, «высокобровой» культуры. Высшим культурным достижением считается Диснейленд и главный его обитатель Микки-Маус. Реальный Запад не такой, каким представлялся в западнических российских мечтах. И когда русский человек встречается с настоящим, реальным Западом, он приходит к выводу, что Запада, собственно говоря - его, западнического Запада - не было и нет.

Об этом еще Герцен писал в «Былом и Думах». В наше время наиболее

6 7

впечатляющий пример такой аннигиляции Запада априори и Запада апостериори дал С.С. Аверинцев, с ужасом увидевший, что в Вене неправильно ставят «Кольцо Нibelунгов».

Поэтому в романе Татьяны Толстой «Кысь» происходят такие диалоги:

- Нужен ксерокс. - Это Лев Львович, мрачный.
- Не далее как сто лет назад вы говорили, что нужен факс. Что Запад нам поможет. - Это Никита Иваныч.

Правильно, но ирония в том...

Ирония в том, что Запада нету.

Что значит нету! - рассердился Лев Львович. - Запад всегда есть.

Аннигиляция - (от позднелат. ApuppPайo) - уничтожение, исчезновение двух противоположностей.¹⁰ Априори - гадательно, по заключению вперед, по наведению, наведением, умозрительно, передним умом. "Апостеори - доказательно, по делу, опытом, заключением назад, задним умом.

- Но мы про это знать не можем. <...>

Ну как вы мыслите, - Никита Иваныч спрашивает, - ну будь у вас и факс и ксерокс... Что бы в с ними делали? Как вы собираетесь бороться за свободу факсом? Ну?

Помилуйте. Да очень просто. Беру альбом Дюрера. Это к примеру. Беру ксерокс, делаю копию. Размножаю. Беру факс, посылаю копию на Запад. Там смотрят: что такое! Их национальное сокровище. Они мне факс: верните национальное сокровище сию минуту! А я им: придите и возьмите.

Володейте. Вот вам и международные контакты, и дипломатические переговоры, да все что угодно! Кофе, мощеные дороги.... Рубашки с запонками. Конференции...

Конфронтации...

Гуманитарный рис шлифованный...

Порновидео...

Джинсы...

Террористы...

Обязательно. Жалобы в ООН. Политические голодовки.

Международный суд в Гааге.

- -Гааги нету.
- Лев Львович сильно помотал головой, даже свечное пламя заметалось:
- Не расстраивайте меня, Никита Иваныч. Не говорите таких ужасных вещей.
Это Домострой.
- Нет Гааги, голубчик. И не было.

В этом диалоге то еще замечательно, что он пародирует разговоры

интеллигентов из «Одного дня Ивана Денисовича»: Цезарь объясняет кавторангу художественные прелести «Броненосца Потемкина», а кавторанг в ответ выражает полную готовность сожрать червивое мясо, из-за которого начался знаменитый матросский бунт.

Сразу отметим, что «Кысь» на лексическом уровне воспроизводит словесную ткань повести Солженицына, а сюжетно - роман Набокова «Приглашение на казнь».

Есть, мне кажется, и другая причина отталкивания Толстой от западного мышиного рациона. Это как раз ее напряженное и чуть ли не органическое западничество. Ее волнует и, пожалуй, соблазняет судьба Набокова. В ее рассказах мастерски воспроизводятся набоковские интонации, да, пожалуй, и сюжеты. Призраки каких-то завлекательных возможностей являет Толстой этот двуязыкий змей.

В этом убеждает больше всего, как ни странно, статья Толстой - нет, не о Набокове, а о феномене Андрея Макина - того самого русского, который, научившись у бабки-француженки, застрявшей в советской России, чужому языку, сумел стать во Франции французским писателем. Во всяком случае преуспевшим французским писателем.

Татьяна Толстая уделяет этому байстрюку (или, по-западному, бастарду) повышенное внимание - большую, в сорок страниц статью под названием «Русский человек на randevu». Ей-богу, сам по себе Макин художественного

интереса не представляет. Куда интереснее интерес к нему Толстой. Она пишет:

«Макин - не Набоков. Другой масштаб, другие запросы, другая предыстория.

Странно и интересно, - нет слов, - видеть нам, пишущим русским ... как складывается судьба одного из нас на очередном витке судьбы российской словесности. Странно видеть, как, уходя из сферы притяжения русской литературы, русский человек, надев чуждый ему костюм чужого языка, не мытьем, так катањем, не криком, так шепотом заставляет обратить на себя внимание совершенно чужих и равнодушных в сущности людей, чтобы, отчаянно жестикулируя, объясняться по поводу того, откуда, как, с чем и зачем он к нам пришел. Пришел все с тем же багажом путешествующего циркача: траченным молью зайцем из цилиндра, разрезанной пополам женщиной, дрессированными собачками: «Сибирью»,

«русским сексом», «степью», картонным Сталиным, картонным Берией (как же без него), картонными лагерями, - пришел, и ведь добился внимания, и ведь собрал все ярмарочные призы».

Можно ли назвать всю эту историю поучительной? Характерной? Почти уверена, что в России - если говорить о премиях - Макину не достался бы тяжеловесный логовазовский «Триумф».

Хорошо, однако, то, что сама Толстая заслужила этот Триумф (вот и новые русские на что-то сгодились). И что не нужно ей ни ксероксов, ни факсов - что она самодостаточна и существует помимо перевода.

И мы охотно извиним ее женскую слабость - боязнь мышей. **Идейное содержание романа**

Начнем с конца - это удобнее. Свой роман Татьяна Толстая завершает так: " - А понимай как знаешь!.." Далее следует дивная поэтическая цитата, список из семи населенных пунктов, где писалась книга, и годы, когда это происходило: 1986 - 2000. В начале и конце списка географических названий стоит Москва, предпоследним - вымышленный Федор-Кузьмичск, где происходит действие "Кыси".

Уточним сразу, что город этот незадолго до финала повествования был вследствие государственного переворота переименован. А революцию эту совершил главный герой книги - простодушный и недалекий интеллигент первого поколения Бенедикт, страстный книгочей, вконец на книгах помешавшийся. Поскольку романный Федор-Кузьмичск некогда именовался Москвой, можно сделать нехитрое умозаключение - события, описанные в книге, относятся не к будущему, а к прошлому. Вот была Москва Москвой,

потом стала Федор-Кузьмичком, а теперь опять - сама собой.

В книге описывается жизнь после атомного взрыва. Люди там не люди - все уроды какие-то. Влияние радиации сказалось на всем вокруг. Голубчики с их Последствиями, (у кого вымя, у кого рога, а то и хвост), летающие зайцы, мыши в качестве пищи и общая неграмотность. Вот он, эталон настоящего в книге. Прошлое же обозначено особыми персонажами и вещами. Те, кто жил до Взрыва, хранят историю и память о том, что было. Плачут над ушедшими благами цивилизации, скорбят о потере народных ценностей.

Жители города делятся на три типа:

Прежние - это люди прошлого. Образованные и не получившие никаких Последствий. Они чтят ушедшие времена и печалятся не столько об утере быта, сколько о деградации всего живого вокруг и исчезновении культуры, искусства. Эти люди - интеллигенция прошлого, которые еле-еле нашли место в настоящем, но никогда не доживут до будущего.

Перерожденцы - тоже выходцы из прошлого, но в отличие от первых - эти приспособились под условия жизни и опустились в итоге даже ниже чем простые горожане, став рабами местной власти. Их сложно считать за людей. Они бегают на четвереньках и ругаются матом.

Те, кто родился после взрыва. Эти привыкли к тому, что их окружает, они родились в этой обстановке и никогда не видели, не представляют себе другой жизни. Данная категория отражает современное, постсоветское (а может, и постреволюционное) поколение.

Впрочем, они всё те же: по-прежнему надеются на помощь с Запада, по-прежнему боятся Востока.

Для власти они как пластилин. Можно внушить все, что угодно. Это простые работники, которым не интересно ничего из прошлой жизни. Они будут питаться мышами и червилями, драться, воровать, ржать над чужими бедами, исходить похотью, изнывать от страха перед властями, а больше перед Санитарами (Тайной полицией) и перед неведомым зверем - Кысь, которая живет в лесу, бросается на голубчиков, рвет главную жилочку, и разум выходит из человека.

Главного героя романа зовут Бенедикт. Его мать была Прежней, и поэтому мальчик обучился грамоте (хотя отец был против) и пошел работать писцом в Рабочую избу. Он переписывал различные книги, стихи и верил, что все это сочинял Фёдор Кузьмич. И считал он, что живет так, как надо, пока к нему на праздник (Новый год, который тоже придумал Фёдор Кузьмич) не пришел старый друг его матери - тоже прежний, Никита Иваныч - Главный

Истопник.

Он-то постепенно и начал беседовать с Бенедиктом на философские темы, как бы мимоходом открывая ему «мир искусства».

А однажды его пригласила к себе еще одна прежняя и показала старопечатную книгу. Бенедикт с ужасом выбежал во двор. Встреча с реальностью была для него жестоким ударом.

Опасность толкования книг - как раз одна из тем "Кыси", причем сюжетообразующая. Несчастный Бенедикт так страстно пытался понять прочитанное, так отчаянно стремился найти главную книгу про смысл жизни, что дошел до полного озверения и душегубства. Потому что не ведал он мира, в котором книги эти писались и строфы прекрасные складывались. Существовал этот мир, согласно тексту, до Взрыва, а чем этот Взрыв был, - преступной ошибкой атомщиков, революцией или адамовым грехопадением - не дано ответа.

Фантастический мир, описанный в "Кыси", жутковат и непригляден. Особенно пугает он в первых главах романа: живет народ в избах среди бескрайних полей, не только электричества, но и колеса не знает, мышей ловит (для еды и натурального обмена), пьет и курит ржавь какую-то, червырей выкапывает, книги не читает - запрещена печатная книга, слушается Набольшего Мурзу - Федора Кузьмича. Говорит люд в "Кыси" на странном просторечии, умные слова помнят только до Взрыва жившие "прежние" - интеллигенты и диссиденты. Прежние все больше между собой ругаются и прочий люд открыто презирают. Не положительные они герои, хотя в конце, кажется, и прощенные автором. Возможно, так уже бывало в русской литературе: единственный положительный герой книги - автор. Но и это, в общем-то, - натяжка.

Стремление охватить практически все стороны нашего бытия делает «Кысь» значительным явлением литературного процесса конца XX — начала XXI веков. На основании вышесказанного «Кысь» можно рассматривать как своеобразный «роман начала»: не только как возможного начала нового этапа творческой деятельности автора, но и как отражение ментального, духовного начала российского общества. Подтверждает данную сентенцию и то обстоятельство, что в оглавление романа Т. Толстая вводит «начало начал» — азбуку. Книга состоит из глав, поименованных названиями букв церковно-славянской азбуки: Аз, Буки, Веди, Глаголь, вплоть до финальной Ижицы. Весь микро- и макрокосм русской истории, культуры, литературы (прежде всего), того специфического явления, которое именуется неприятным цо

смысловым обертонам словом "духовность", национальные психологические и психические типы, страты, политические образования, тайная полиция, патриотическая и либеральная интеллигенция - все это составляет "кровь и плоть", кости и мышечную ткань романа "Кысь". Несколько слов о заглавии романа: "Кысь" - это сакральное животное, которое, питаясь человеческой кровью, зомбирует.

Книга является "энциклопедией русской жизни", неким "универсумом", "тезаурусом"⁹. Слова "неистового Виссариона" о пушкинском романе в стихах перекочевывают из рецензии в рецензию на роман Татьяны Толстой.

Таким образом, в свою черную книгу Толстая вместила печальную историю деградации общества. Моральной, интеллектуальной, духовной. Ибо нам только кажется, что жить стало лучше или стало хуже. На самом деле, жизнь переворачивалась и менялась не единожды, а результаты её оставались прежними.

Символические образы романа

¹² Тезаурус по определению - это словарь с неограниченной выборкой, то есть включающий в себя все слова, которые встретились составителю в доступных источниках. При этом число источников тоже может стремиться к бесконечности, включая лингвистические труды, словари, литературные произведения, записи устной речи и другие материалы.

В последнее время под влиянием англоязычного термина под "тезаурусом" чаще стали понимать словарь синонимов. Однако первичное значение этого термина - "сокровищница", то есть стремящееся к полноте собрание сведений обо всех словах языка (включая их толкование, употребление и переводы на другие языки).

Что можно уяснить из этой книги? Каждый естественно понимает все по-своему, но я расскажу, как все это поняла я. Фёдор-Кузьмичск показан, как отдельная страна, в которой ясно выражена проблема морали и искусства, показана типичная Российская власть после революции и в её времена, которая угнетает всех. Интеллигенция, которой нет места в этом новом обществе - это Прежние, тип людей в наше время хранивших и хранящих культуру как нечто ценное и необходимое, без чего нельзя выжить. И что необходимо хранить любой ценой. Им можно сразу противопоставить перерожденцев, сравнивая их с теми, кто приспособился к новой жизни, и которых подмяла под себя власть. Вроде и те и другие родились в одно и то же время и помнят одно и то же, но с одним отличием. Первые чтят культуру и живут ей, ставя её на первое место. Вторые же живут только бытовой

мелочностью, и её из прошлой жизни только и помнят, культура им ни к чему, им и так неплохо живется. Ну а трети - это те, кто родился во времена всего этого и не видит для себя другой жизни. Из них можно вылепить и то, и другое, в зависимости от оказанного воздействия. Таким является и Бенедикт. Плюс его состоит в том, что он с детства знает грамоту, и Никита Иваныч постепенно приобщает его к культуре, на своем примере.

Разговаривая о философии, режа Пушкина и т.д.

Он видит в Бенедикте задатки, которые в других почти искоренил Фёдор Кузьмич, и поэтому он помогает развиваться Бенедикту духовно. Зная много чего, он еще и хранит свои старопечатные книги, как зеницу ока. Но все же он показывает их другим людям, а не прячет, как другая личность - это Кудеяр Кудеярыч. Первый готов умереть на костре за истину, а второй лишь лютый коллекционер, собирающий у себя кипы книг для собственного удовлетворения. Он обещал Бенедикту новую власть, а с ней и новые порядки: свободу, открытость, но все осталось как прежде, и он сам - лично выкидывал книги с балкона. А Бенедикт окончательно запутался в этом всем, или верно было то, чему учил Никита Иванович, что культура - это массовое достояние, что не важно, как ты живешь, лишь бы в душе было пламя. Или учение Кудеяр Кудеярыча о том, что жить нужно хорошо, книги читать, но для себя, потому что остальной народ неграмотный, ему незачем. А когда убежал Бенедикт из дома, думал Кысь в спину смотрит - смерть пришла. А потом увидел, как тестя книги с окошка выбрасывает, и понял, в чем ошибался.

А что такое эта Кысь? Символический образ. КЫСЬ, БРЫСЬ, РЫСЬ, РУСЬ, КИС, КЫШЬ! Татьяна Толстая удачно придумала это слово; соединила ласково-подзывающее: кис-кис, резко-отпугивающее: кышшиш! и присовокупила к этим древним словам хищную рысь и брезгливое - брысь! (Где-то подале, подале замаячила старая Русь, мечта славянофилов и почвенникоц.) Получилась странная хищница из породы кошачьих: нежная как кис-кис, мерзкая как кышь, хищная как рысь и стремительная как брысь, ну и русская, разумеется, как Русь. Не менее значимо и имя главного героя - Бенедикт. «Благое слово» - так надо понимать, чем и подчеркнута опасная логоцентричность⁴ русской культуры. Означенная логоцентричность не спасает главного героя от душегубства, скорее - наоборот - душегубству способствует. Теряют разум пойманные Кысью и сделать без других ничего не могут. Вот когда Кысь-то, на Бенедикта смотрела! Стоял он перед выбором - вправо, влево... Влево, вправо. От примера Никиты Иваныча к

¹⁵ Логоцентричность - (от Греческого *Xooua*, логос, или слово), или сосредоточение всего внимания на слове.

примеру Кудеяр Кудеярыча метался. И каждый раз после мысли о Кыси, появлялся Никита Иваныч, выводил его из темноты сомнений на правильный путь.

Поэтому в конце умирает сила искусства в лице Никиты Иваныча, но и Кудеяр Кудеярыча с собой забирает, крича Бенедикту напоследок: "Азбуку учи! Там все ответы!" Азбука - первая книга в жизни каждого человека. С начала столетий каждый начинал свой путь к истине через азбуку. Учил буквы, а потом читал умные слова в книгах и постигал её. Азбука - это начало начал, истину не постичь без неё.

Таким образом, каждая глава из книги называется по имени букв старославянского алфавита, символизируя самое начало письменности. И проходит по этим главам Бенедикт от неизвестности, с каждой буквой приближаясь к истине. И Никита Иваныч, как святой дух, поднимается, восторжествовав над этим миром, испепелив вокруг всё, чуждое себе. Чтобы на этом прахе Бенедикт мог построить жизнь заново, поскольку он знает теперь, в чем правда, и не даром Никита Иваныч прожил свою жизнь. Теперь Бенедикт знает смысл жизни и идет по правильному пути.

О миг безрадостный, безбольный! Взлетает дух, и нищ и светел, И гонит ветер
своевольный Вослед ему остывший пепел.

Описывается вязкий олигофренический мир, окрашенный серым мышиным цветом. В этом мире пытаются-то почти что исключительно мышами. В этом мире обитают люди, чей возраст застопорился на точке Взрыва, так и живут - кому триста лет, кому четыреста. Кто-то что-то помнит, а кто-то - ничего. ("А кто после Взрыва родился, у тех Последствия другие, всякие. У кого руки словно зелёной мукой обметаны, будто он в хлебеде рылся, у кого жабры; у иного гребень петушиный али еще что. А бывает, что никаких Последствий нет, разве к старости прыщи из глаз попрут, а не то в укромном месте борода рasti начнет до самых до колен. Или на коленях ноздри вскочат"). Мутанты. В этом мире есть свой верховный жрец-демиург - Федор Кузьмич - автор всего, погребенного Взрывом, - от стихотворения Горные вершины" до картины "Не ждали". В этом мире есть и свой Прометей, умеющий добывать огонь прямо из рта.

Очевидно, что стилистическая издёвка здесь соединена с издевкой

идеологической. Татьяна Толстая описывает шовинистическую ,
ксенофобскую мечту - вот он, чаемый ксенофобами «русский мир»,

¹⁶Шовинизм (фр. chauvinisme), крайняя агрессивная форма национализма.
"Ксенофобия (Xenophobia) - Происходит от греческих слов "ксенос"
(незнакомый, иностранный или иностранец) и "фобия" (боязнь).
Ксенофобия - это любая постоянная, иррациональная или чрезмерная
реализовать, развернуть в примерах известную формулу: повторяясь,
история из трагедии становится фарсом. Нельзя не корчиться от смеха, читая
составленный Бенедиктом каталог литературы: Гамлет - принц датский.
Ташкент - город хлебный. Хлеб - имя существительное. Кустанай - край
степной. Чесотка - болезнь грязных рук; и это развернуто на три с половиной
страницы!

Это книга о России. Энциклопедия русской жизни. Толстая придумала для
своей России фауну и флору, историю, географию, границы и соседей, нравы
и обычаи населения, песни, пляски, игры. Она создала мир. Кысь -Русь.
Цепочка звуковых ассоциаций ясная: кысь - брысь - рысь - Русь. Русь -
неведома зверюшка.

1. Стилистические особенности

Язык в романе действительно особенный, специально для "Кыси" Татьяной
Никитичной придуманный и стилизованный под нечто сказочно-дремучее.
Чем особенно и привлекателен для части аудитории, которая привыкла к
интеллигентному, «трехэтажными метафорами инкрустированному» языку
рассказов писательницы.

Написана "Кысь" виртуозно, стилизация под народный сказ вдруг превращается
в чистую поэзию в прозе, в дивные описания зимы, например, или
бескрайних просторов.

С одной стороны книга явно задумана как чтение массовое, чтобы не сказать,
народное. И кажется, что в некоторое противоречие с этой вполне
похвальной задачей входит явно гурманский, слишком филологически
смачный язык повествования. Письмо действительно чрезвычайно плотное,
подчас не без вязкости. Из строк романа, исполненного в той
постремизовской манере, которая раньше называлась "сказовой", время от
времени выглядывают и прочие Толстые - от известного Татьяниного деда,
автора «Буратино», до не менее известного автора "Филиппка". Как можно
не заметить и не взять в цитатный фонд такой очаровательной сентенции, как

такая, например: «Богатые - они потому богатыми называются, что богато живут». Однако, при всей откровенной искусственности языка романа, как привыкнешь, нарочитым перестает казаться - втягиваешься и завораживает. К тому же перебивается повествование все время стихотворными цитатами, вычитанными падшим Бенедиктом из запрещенных старопечатных книг. Правда, чтение его беспорядочно (длинный список прочитанного - одно из самых остроумных и саркастических мест в книге), и оттого цитаты могут возникнуть самые неожиданные.

Повествование ведётся от лица одного из «новых», после взрыва родившихся и почти ничего из прошлого не знающих. Непонятные слова и выражения в речах передаются в его пересказе:

«Да, вышло по-матушкиному. Уперлась: три, говорит, поколения ЭНТЕЛЕГЕНЦЫИ в роду было, не допущу прерывать ТРОДИЦЫЮ»;
«Глядишь, говорит, через тыщу-другую лет вы наконец вступите на цивилизованный путь развития, язви вас в душу, свет знания развеет беспробудную тьму вашего невежества, о народ жестоковыйный, и бальзам просвещения прольется на заскорузлые ваши нравы, пути и привычки. Чаю, говорит, допрежь всего, РИНИСАНСА духовного, ибо без такового любой плод технологической цивилизации обернется в ваших мозолистых ручонках убийственным бумерангом, что, собственно, уже имело место».

Так называемого авторского слова, авторской интонации в романе нет.

Авторская речь намеренно вытеснена словами героев сентиментальным (Бенедикт), официозным (указы набольшего мурзы, а потом и Главного Санитара), псевдонародным, стилизованно фольклорным, словом-монстром (язык образованщины).

Ни слова - гладкого, нейтрально-описательного. Синтаксис возбужденный, бегучий, певучий, - всякий, кроме упорядоченно-уныло-грамматически правильного.

Слово, как и деталь в этой прозе, изукрашено какой-то почти подсознательной, детской памятью - оно наговорено, напето, сказано. Слово в романе - это почти устная речь.

Поэтика романа Толстой исключает правдоподобие и психологизм, а не следует им. Чем буйнее фантазия, тем лучше.

Несмотря на то, что история очень невеселая, книга получилась искусная, нарядная, артистичная. Вот это напряжение - между скорбью и гневом внутреннего послания и узорочьем исполнения - и делает роман Толстой особенным словом в новой русской прозе.

Мутировавшая национальная самобытность ярче всего выражена в самой фактуре повествования: главы обозначены по алфавиту от аза до ижицы (как рапсодии Гомеровых поэм!), практически изгнаны из лексикона варваризмы, а где оставлены, то лишь сугубо в народной форме (как калидор и каклета), зато много примечательных неологизмов, частью описывающих мутировавшую среду (деревья клель и дубель, съедобные растения хлебеда и грибыши, универсально эйфорическая ржавь), частью социально-бытовые реалии вторичного мезолита. Эти вторые даже интереснее, потому что являются собой неологизмы семантические (старые слова в новом значении), а такие удивляют сильнее: скажем, люди вместе и порознь именуются исключительно голубчиками, деньги - бляшками, а на дозорных башнях стоят мурзы... Аристотель делил все вообще словесные прикрасы на "переносные" и "редкостные", но первые всегда были больше в ходу, так что выражение "яркий метафоричный язык" давно превратилось в затертый комплимент. А вот у Толстой язык яркий, но совсем не метафоричный, у нее абсолютно преобладают именно редкостные слова - и в похвалу ей следует сказать, что их изобилие не делает текст непонятным, хотя о такой 'опасности' предупреждал все тот же Аристотель и не зря, потому что при малейшей передозировке получается заумь. В "Кыси" доза как раз на пределе, и это, конечно, выходит очень даже лихо, как и перечни - тоже прием старинный, а в "Кыси" использованный с пародийной эффектностью, взять хоть помянутые ранее списки документов.

Кроме того, в "Кыси" отчетливо высвечивается и то, что подметил в свое время мрачный философ-скандалист Галковский. Русский человек в глубине своей самозванец. К жизненным и языковым мутациям примешивается и общая "кажущность", несостоятельность реальности. "Вот, думаешь, баба: ну зачем она, баба?.. А ну как она притворяется бабой, а сама оборотень болотный? А вот ежели встать, подойти да проверить: пальцы рогулькой расставить да в глаза то тыкнуть? Что будет?" То же с властью: "Слезай, скидавайся, проклятый тиран-кровопийца, - красиво закричал тесть. - Ссадить тебя пришли!.. Развалил все государство к чертовой бабушке. У Пушкина стихи украл!" Словом, государь должен быть готов бежать, и тут уж не "король умер - да здравствует король!", а скорее "ох, уйдет, Глеб Егорыч, лови его!"

Наконец, Татьяна Толстая придает описываемому ею кошмару этакий специфически русский, ласковый, задушевный оттенок. Любой национальный миф замешен на насилии, но только в России насилие это отдает диковатой добротой. "Не бось, не бось", - бормотали пугачевцы Петруше Гриневу, когда волокли его на виселицу. Так и тут герои играют в

поскакалочку:

«Значит так. Правила такие. Свечки потушить, чтоб темно было, сесть-встать где попало, одному на печку забраться. Сидит он там, сидит, да ка-а-ак прыгнет с криком громким, зычным! Ежели на кого из гостей попадёт, дак непременно повалит, ушибёт, али сустав вывихнет, али ещё как пристукнет. Ежели мимо - дак сам расшибётся: голову, али колено, али локоть, а то и ребро переломит: печь, она же высокая. Об табурет в темноте удариться можно будь здоров! Об стол лбом. Вот ежели не разбился, опять на печь лезет, а ежели из игры выбыл - другому уже невтерпёж: пустите, теперь я прыгну! Вопли, крики, смех - право, упираешься, такая игра чудесная. А потом свечки зажжём да и смотрим, кто как повредился. Ну, тут, конечно, ещё больше хохоту: вот ведь только что был у Зиновия глаз - ан и нетути! А вон у Гурьяна рука надломивши, плетью висит, какой теперь с него работник!»

Таким образом, Татьяна Толстая написала книгу неопознанного жанра в традициях русской классической литературы, и сама эта литература в ней в цитатах присутствует. А в русской классической литературе обязательно стоят проклятые вопросы. Например, что делать с собственным одичанием и окружающей чертовщиной. Почему-то в ответ напрашивается вопрос - может перекреститься? Почему - непонятно, ведь Бог в романе ни разу не помянут, несмотря на его значимость в русской жизни. Следовательно, «чертовщина» в России исходит не от «нечистой силы», а от «нечистого духа» самого народа, его мутниующего сознания.

Заключение

В заключении нашей работы, целью которой являлось определение жанровой принадлежности и рассмотрение стилистического своеобразия, можно сделать следующие выводы:

1. Роман, безусловно, представляет собой "антиутопию". В этом жанре написаны, к примеру, такие отменные книги, как "Мастер дымных колец" В.Хлумова, "Оправдание" Д.Быкова, "Потерянный дом, или Разговоры с милордом" А.Житинского. Русская литература имеет опасную тенденцию: не просто "отражать действительность", но изменять-модифицировать ее, подверстывать под себя. Так, поэт В.Я.Брюсов в начале века написал ряд "антиутопических" произведений, в частности, новеллу "Последние мученики" (предсказал Октябрьский переворот со всеми вытекающими последствиями) и рассказ "Добрый Альд" (предвидел

появление советских и нацистских лагерей смерти). Накликал, все и сбылось буква в букву. Как бы не произошел новый "Взрыв". Впрочем, мы уже пережили наш "Взрыв" - распад Советского Союза, сейчас на своей шкуре испытываем "Последствия", разделившись на "Прежних" и "Перерожденцев" (читайте книгу!).

Роман - totally литературоцентричен, ибо *цс& в жизни -разносортная беллетристика, а сама жизнь - многотомный роман, который пишет Господь Бог.* Работая над книгой, писательница, если не в уме, то в подсознании держала, помимо бесчисленных прочих, произведения дедушки А.Н.Толстого (ранние), Андрея Белого, А.М.Ремизова, Ф.Сологуба(Федор Сологуб в миру был Федором Кузьмичем Тетерниковым (на самом деле - Тютюнниковым). От сологубовской "Недотыкомки" из романа "Мелкий бес" до твари-"кыси" рукой подать.) и, конечно, "Историю одного города" М.Е.Салтыкова-Щедрина(Щедринские "глуповцы", обыватели "города Глупова", весьма напоминают насельников книги Т.Толстой, а "глуповский летописец", в особенности, - главного героя романа Бенедикта, чьи описанные им самим приключения являются сюжетообразующими). "Кысь" можно трактовать как словесно-понятийный клад, состоящий из множества ларцов, причем в каждом есть потайные отделения.

Татьяна Толстая в романе «Кысь» изобразила то жестокое, веселое, вечное, почти доисторическое, на основе которого вырастает и город Глупов, и город Градов. Вот оно - вечное, неумирающее, каменное, кошмарное... Вы собираетесь восхищаться этим, поскольку оно вечное? - словно бы спрашивает Татьяна Толстая. Но прекрасно и достойно восхищения - не вечное, а хрупкое и слабое, то, что может быть уничтожено взрывом.

4. Язык романа изумляет и потрясает: водопад, водоворот, буря, смерч неологизмов, "народной этимологии", тонкой, нет, тончайшей, игры ума и вкуса. Это нечто небывалое и трудно понятийно выразимое. "Кысь" - вербальное сокровище. Умолкнем в смущении, склонив голову перед языковым мастерством Татьяны Толстой. Скажем лишь, что питерско-московско-американская писательница приумножила славу своей гордой семьи-фамилии, своего Города, своего Университета. Все в России наладится, все пойдет "путем", ибо "старая" и "новая", создаваемая у нас на глазах русская словесность, - всеобщая российская надежда и путеводная звезда. Да будет так!

Список литературы

Володина А. Про букву "Ж", американца О'Нила, хищную Кысь и не только...

www.vesti.ra/2000/10/14/971538740.html

Иванова Н. «И птицу Паулин изрубить на каклеты». Знамя. 2001. № 3

Исследовательская деятельность учащихся в области русского языка и литературы. Материалы и методические рекомендации конференции (10-11 апреля 2006 г.). Хабаровск. 2006.

Кабанова О. Кысь, брысь, Русь... Газета "Известия", 31 Октябрь 2000 г.

Кузьминский Б. www.russ.ru/krug/vybor/20001018.html#knl

Липовецкий М. Н.«След Кыси» <http://old.kinoart.ra/main.html>

Липовецкий М.Н., Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: 1950 - 1990-е гг.: В 2 т. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. ИЦ Академия. 2006 г.

Парамонов Б. Русская история наконец оправдала себя в литературе. Журнал «ВРЕМЯ-МН», 14.10.2000 г.

Парамонов Б. Толстая вне ксерокса. Свободная Культура, 2002.

<http://svoboda.org/programs/RO/2001/RQ.80.asp>

Ю.Рабинович Е. "Новая Русская Книга", 2000, 6.

www.gue.lman.ru/slava/nrk/pgkb/12.html 11 .Русские писатели и поэты.

Краткий биографический словарь. Москва, 2000.

12.Степанян К. "Отношение бытия к небытию", "Знамя" 2001, №3. П.Толстая Т.Н. Кысь. Роман. М., "Подкова", "Иностранка", 2000, 2001 г. 14.Толстая Татьяна "Любишь - не любишь" Москва 1997 г. 15.«Философский Словарь» - 4-е изд., 1981 Шафранская Э.Ф.

«Мифологическая концепция романа». Русская словесность. 2002.